

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: СИНОНИМЫ ИЛИ АНТИПОДЫ?

Системный кризис, который переживает Россия в конце XX в., объясняется чаще всего краткосрочными политическими мотивами, нередко противоположного свойства. Между тем проблема гораздо глубже. На наш взгляд, она заключается в выяснении соотношения между мировым модернизационным переходом и Российской революцией XX в. Синонимы они или антиподы? Шла ли эта революция в фарватере модернизации или противоречила ей? А может быть эти явления никак не связаны друг с другом, что пытаются доказать некоторые отечественные и зарубежные ученые[1]. От правильного ответа на данный вопрос зависит глубина трактовки российской истории XX в., оценка нынешнего состояния страны и перспектив выхода ее из кризиса. Прежде чем приступить к рассмотрению поставленного вопроса необходимо определить, что понимается под модернизацией и Российской революцией.

Модернизация — это переход от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному. Она является комплексным процессом, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. Она началась в западных странах с XVI в. и обеспечила в XX в. массовое потребление, высокий уровень благосостояния, демократизацию и другие ценности современного мира.

Модернизация предполагает:

* в экономике — углубленное разделение труда и обмена деятельностью; появление вторичного (индустрия) и третичного (услуги) секторов хозяйства; развитие рынка товаров, капиталов и труда; неуклонный рост производительности труда и т.д.;

* в социальной области — разделение функциональных ролей, выполняемых индивидами в обществе; вытеснение отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости; смену социального критерия сословности на критерий классовых отношений; элиминацию социальных различий между полами и т.д.;

* в политической сфере — образование централизованных государств и разделение властей; интеграцию широких масс населения в политический процесс и т.д.;

* в области культуры — дифференциацию культурных систем и ценностных ориентаций; секуляризацию образования и массовое распространение грамотности; развитие средств трансляции информации и т.д.;

Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. В России модернизация началась с петровских преобразований начала XVIII в., но продвигалась очень медленно. Отмена

крепостного права и буржуазные реформы 60—70 гг. XIX вв. дали новый импульс этому процессу, особенно в области индустриального развития. Советские историки долго спорили о мере завершенности промышленного переворота в стране, но этот спор, как правило, не заходил дальше выявления предпосылок социалистической революции. Вопрос же гораздо шире. Он заключается в том, чтобы выяснить, насколько Россия продвинулась к началу XX в. по пути модернизации в целом.

Не ставя задачу детального рассмотрения данного вопроса в этом тексте, приведем только некоторые итоговые данные. С 1869 по 1913 г. объем промышленной продукции в России вырос в 8,5 раза, а производительность труда в 2,2 раза, тогда как в США соответственно в 7,5 и 1,8 раза[2]. По темпам индустриального развития Россия уверенно догоняла промышленно развитые страны, но еще заметно уступала им по масштабам производства.

Несмотря на очевидные успехи индустриализации в историографии утвердилась точка зрения, что в XX в. Россия вступила преимущественно аграрной страной, хотя имеются данные другого плана. По расчетам В.Сарабьянова, в 1912 г. сельское хозяйство страны дало продукции на 6,7 млрд руб., а промышленность — на 5,6 млрд руб.[3]. Разница не столь уж разительная. Видимо, необходимо уточнить этот вопрос и разобраться в том, чем была вызвана революция XX в.: недостаточными темпами модернизации или наоборот ее резким ускорением.

Революция в широком смысле этого слова есть смена общественно-экономических укладов, прежде всего форм собственности. Под Российской революцией мы понимаем перманентную серию социальных потрясений, начавшихся в 1905 г. и не завершившихся до конца XX в. Революция 1905 г. была по своему характеру буржуазно-демократической, но решить поставленную задачу не смогла и не открыла путь к полномасштабной модернизации страны, ограничившись лишь некоторой либерализацией политического режима. С тех пор революционный процесс практически не прекращался до конца века, имея своей целью модернизировать страну. Но в разные периоды различные политические силы понимали содержание модернизации по-разному, а в конечном счете трактовали его неадекватно сущности модернизации, чем приносили огромные страдания народу и непоправимый вред государству.

Российская революция имела продолжение в 1917 г. На втором ее этапе, февральском, было свергнуто самодержавие — главный атрибут феодального строя, символ традиционного (преимущественно аграрного) российского общества. Но каких-либо реальных шагов на пути к новому индустриальному обществу Временное правительство сделать не успело или не могло. Большевики же вместо движения вперед в русле классической модели модернизации сосредоточили внимание только на классовых издержках модернизационного перехода и развернули третий этап революции, которую называли социалистической. Его можно условно разделить на три периода.

Первый период характеризовался попытками большевиков и части западной социал-демократии использовать постсамодержавную Россию как стартовую площадку для мировой пролетарской революции. Такая линия настойчиво проводи-

лась до середины 20-х гг., принесла неисчислимые страдания народу, на долгие годы сделала страну жупелом красной опасности для всего мира. Она не отвечала национальным интересам государства и ничего не дала модернизации. Более того, разрушила те заделы, которые были осуществлены в имперской России.

Последующий курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране был более продуктивен, хотя и характеризовался той же революционной стратегией, но с несколько измененной тактикой, в основе которой оставалось насилие над личностью. Революция продолжалась, но иными методами. Лежащие в рамках этого курса второй и третий периоды третьего этапа Российской революции имели много общего, но и особенного.

Второй период охватывал вторую половину 20-х — первую половину 50-х гг. и характеризовался заметными успехами на поприще модернизации, полученными неоправданно высокой ценой.

Третий продолжался с середины 50-х до конца 80-х гг. и отличался снижением темпов модернизации, эрозией советской системы.

В задачу данной статьи входит попытка проследить в основных чертах взаимодействие между модернизацией и революцией в России XX в., выяснить, в какой мере советские преобразования способствовали или препятствовали основополагающей тенденции эпохи — завершению процесса модернизации. Только ответив на этот вопрос, можно будет понять, двигалась ли Россия в колее мирового прогресса или прозябала на обочине, на каком полустанке она остановилась в конце века и в каком направлении ей идти дальше.

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождавшиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором — историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному). Позднее, с 30-х гг., они перешли к модернизации, более того, максимально ее форсировали, делая это искусственно, ценой огромного напряжения и жертв, а в конечном счете напрасно, потому что в 90-е гг. ее завоевания были сданы без боя.

После того, как прошла эйфория мировой пролетарской революции, перед большевиками встал вопрос: что делать дальше? Мнения разделились. Возникло множество партийных платформ, которые хорошо известны из курса истории КПСС. За ними стояли политические амбиции разных партийных лидеров, но главный водораздел борьбы пролегал между троцкистами и сталинистами. Пока Троцкий ожидал «прямой государственной помощи» со стороны пролетариата Запада, обрекал страну на зависимость от мирового хозяйства, Сталин развернул крупномасштабную индустриализацию СССР с опорой на собственные силы. В основе его действий было не абстрактное теоретизирование из области модернизационного перехода, а реальная необходимость расширить за счет быстрого роста промышленности и рабочего класса социальную базу своей диктатуры,

уберечь ее от возможных посягательств извне, что объективно способствовало модернизации России.

Стержнем преобразования страны стала индустриализация. О ней написаны горы книг, хорошо известны ее результаты. Для нас главное не переосмыслить значение индустриализации, а выяснить ее роль в процессе модернизации России. При этом важно проследить, как она перекалилась с революционными преобразованиями, какое воздействие оказала на страну, что имела общего и специфического с мировым модернизационным переходом.

Не имея возможности в кратком тексте проследить все детали этого процесса, попытаемся соотнести главные результаты, полученные в СССР, с вышеобозначенными критериями модернизации. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что с первых своих шагов советская власть пыталась опереться на технический прогресс. Ярким примером в этом отношении служит разработанный по указанию В.Ленина план электрификации страны (ГОЭЛРО). Электрификация в первой половине XX в. была важнейшей составляющей модернизационного процесса, и СССР в результате выполнения данного плана, а также последующих достижений на этом поприще, не только ликвидировал дремучую отсталость России в области электроэнергетики, но и добился выдающихся мировых достижений, что признано международным сообществом. Электрификация легла в основу технической реконструкции народного хозяйства страны и позволила приблизиться к уровню мировой экономики.

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала пятое место в мире, а ее доля в мировом промышленном производстве составляла 2,6%, то СССР к концу второй пятилетки вышел по объему валовой продукции на первое место в Европе и второе в мире, его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции против 42,1% в 1913 г.[4]. Во второй пятилетке прирост продукции промышленного производства на 82% был достигнут за счет роста производительности труда и его глубокого разделения [5].

Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Доля рабочих в социальной структуре выросла за эти годы с 12,4 до 33,5%[6]. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. Город поглотил в эти годы весь естественный прирост населения страны (23,5 млн. чел.)[7]. Социальный критерий сословности сменился на критерий классовых отношений.

Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении, но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного аграрного

к индустриальному обществу. В подтверждение этой тенденции можно привести факты из других сфер общественной жизни.

В политической области произошла дальнейшая централизация государства, превзошедшая даже известные ранее аналоги. Состоялось разделение властей, но оно носило формальный характер и не отвечало требованиям модернизации. Широкие массы населения активно включались в политический процесс, но со временем их энтузиазм был узурпирован тоталитарной властью. Гигантские изменения состоялись на попрание культуры. Ярко выраженный характер получила секуляризация культурных систем и ценностных ориентаций, правда с односторонней социалистической ориентацией. По темпам и масштабам побили мировые рекорды секуляризация образования и распространение грамотности.

Модернизация углублялась и расширялась в 40-е — 50-е гг. К 1955 г. было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем до войны. При этом производство средств производства увеличилось почти в 4 раза [8]. За 50-е гг. энерговооруженность труда рабочего промышленности возросла в 3,2 раза [9]. СССР стал одной из двух стран мира, способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадийное отставание России от передовых индустриально развитых стран [10].

Сравнительно быстрыми темпами росла численность рабочих сферы обслуживания. Все более активно на производство привлекались женщины. В 1955 г. их удельный вес в общей численности рабочих и служащих составил 46 % [11], что подтверждает тенденцию к социальному выравниванию полов, связанную с процессом модернизации. В связи с ростом промышленности и сферы услуг продолжалось увеличение численности городского населения. С 1939 г. по 1959 г. его удельный вес в общем количестве населения государства вырос с 32 до 48 %. В 1960 г. впервые произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР [12]. На селе активно распространялся городской образ жизни.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации.

Советская модернизация проводилась в контексте социалистических преобразований и не была их антиподом. Она шла в русле перманентной революции в стране, тесно переплеталась с ней, отражая ее суровый характер. Экспроприация дореволюционных носителей модернизации нанесла тяжелый урон не только им, но и очень сильно осложнила, увеличила жертвы советской модернизации. Индустриализация, осуществляемая в значительной степени за счет крестьянства

и сельского хозяйства, привела к их деградации, от которой они не могут оправиться до сих пор.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводились в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает нам основание утверждать, что революция продолжалась и после ее формального завершения. Такой вывод подтверждают и многочисленные сталинские репрессии, от которых погибло значительно больше людей, чем в некоторых странах во время классических революций. Косвенным подтверждением продолжающейся революции могут служить также Великая Отечественная война и послевоенная ракетно-ядерная гонка, поскольку официально утверждалось, что этим защищались идеалы октября 1917 г., социалистические завоевания. На практике же осуществлялось установление коммунистических режимов в Восточной Европе и ряде стран Азии. Внутренняя революция и внешние революционные войны составляли суть рассматриваемого периода и свидетельствовали о тесном переплетении революции и модернизации.

Третий период третьего этапа российской революции отмечен безусловными достижениями на поприще модернизации. Однако для него характерны потеря темпов и нарастающее отставание от развитых стран, извращение модернизационных ценностей.

Заданный во втором периоде темп модернизации получил развитие в 50–60-х гг. Промышленное производство увеличивалось в среднем на 11,8 % в год. За десять лет объем промышленной продукции вырос в 3 раза [13]. Эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. Они хорошо известны современному читателю и не требуют детализации.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией трудностей этого периода, который был крайне противоречив. Мировые достижения уживались с отставанием в важных областях. Индустриальный прогресс начал терять темпы, перестал поспевать за техническими достижениями Запада, особенно в области высоких технологий. Гипертрофированное развитие тяжелой промышленности сужало сферу потребления и услуг, ограничивало рост благосостояния народа. Набравшая высокий темп урбанизация активно распространяла городской образ жизни на село, тем самым свидетельствовала о важных шагах перехода от аграрного общества к индустриальному. Но по причине догматической трактовки она вела к опасным социальным и экологическим последствиям. Сельскохозяйственный труд все более заметно превращался в разновидность труда индустриального, что также доказывало движение по пути модернизации, однако в связи с волюнтаристской политикой на селе последнее все более деградировало, перестав удовлетворять потребности народа в продовольствии, а промышленности в сырье.

В том же контексте необходимо отметить неоправданно затратный характер модернизационных преобразований в России и развивающуюся в геометрической прогрессии потерю качества продукции советской экономики. Трудности начального периода советской модернизации, ограничение потребления, возведенные

позднее в норму, привели к тому, что у одной части общества сформировались ограниченные потребности, а у другой развилось стремление получать незаработанное. Одни не желали работать лучше, чтобы лучше жить, а другие не желали работать, потому что и так жила неплохо. Одна из важнейших закономерностей модернизационного перехода, связанная с расширением свободы личности, тоже оказалась деформированной в условиях советской системы. Формально эта свобода гарантировалась конституцией, а на деле ее не было, особенно в экономической сфере, что вело к расширяющейся пропасти между интересами личности и общества, придавало односторонность процессу модернизации.

По отмеченным причинам советская система хозяйствования становилась все менее эффективной. Правительство пыталось компенсировать это вывозом за рубеж различных видов сырья, прежде всего энергоносителей и золота. За 1974—1989 гг. только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота [14].

Вырученная валюта тратилась на закупки новых технологий, продовольствия и промышленных товаров для населения. В 1975 г. доля высокотехнологических товаров, проданных США СССР, в общем объеме их торговли составляла 32,7 %, а в 1983 г. Америка снизила ее до 5,4 % [15]. В стране начались серьезные трудности.

Американский исследователь из Гуверовского института войны, революции и мира П.Швейцер в книге «Победа. Секретная стратегия администрации Р.Рейгана, ускорившая крах Советского Союза» подытожил технологическую составляющую модернизационного процесса в СССР: «Советы считали, что радикальные технологические изменения в прошлом создавали военные «революции». Первая произошла в 1920-х гг., когда танк и самолет заменили кавалерию. Вторая произошла в 1950-х гг., когда атомное оружие было совмещено с баллистическими ракетами, заменяя собой бомбардировщики и обычные бомбы. В обоих случаях вооружение достигло нового уровня развития. И в обоих случаях Россия сумела не отстать от Запада. Теперь наступила третья революция, и Москва нервничала. Применение вновь возникших технологий, таких, как микроэлектроника и компьютеры, бросило вызов советской промышленности, в которой высокие технологии не были достаточно развиты» [16]. С этим вызовом отечественная промышленность не справилась. На новом витке модернизации произошел сбой.

В результате издержек советской модернизации она оказалась менее эффективной, чем в странах западного мира, не принесла процветания стране и благоденствия народу. Уровень потребления товаров и услуг на душу населения СССР в начале 80-х гг. составил только 34% от уровня США, а по товарам длительного пользования менее 20% [17]. Начатая М.Горбачевым в середине 80-х гг. перестройка и ускорение научно-технического прогресса не дали положительных результатов, не способствовали завершению модернизационного перехода, а привели к развалу страны, откату назад по многим принципиальным показателям.

В начале 90-х гг. наступил четвертый этап столетней Российской революции, идущий под лозунгом антикоммунизма. По-другому назвать очередную смену собственности нельзя. Второй раз в жизни практически одного поколения идет

поиск принципиально новой парадигмы развития, реверсивно меняется социально-экономический уклад, что трудно выдержать любому обществу. В условиях рыночных реформ была взята на вооружение концепция постиндустриального общества, что привело к гибели половины индустриального потенциала страны. Нам представляется, что говорить о постиндустриальном мире рано не только для России, но и для западных развитых государств. Современное общество все еще базируется на достижениях индустриальной цивилизации, а не на виртуальной реальности компьютерной техники.

Таким образом, в России наблюдалось три волны модернизации: петровская, пореформенная, советская. Последняя остановилась на незавершенной индустриальной стадии, не дотянула до массового применения современных высоких технологий, прежде всего компьютерных, не выдержала конкуренции с развитыми странами, была предана своими вождями и столкнута в пропасть зарубежными конкурентами.

В настоящее время страна переживает постсоветскую деиндустриализацию, а следовательно и демодернизацию, возвращение к временам отсталости и типичным атрибутам развивающихся государств, не осуществивших модернизационный переход. Теперь ее судьба снова будет зависеть от того, вернется ли она на путь завершения модернизации и приблизится ли к индустриально развитым державам или навсегда останется в числе отсталых государств. Революция и модернизация в России XX в. оказались синонимами, но к несчастью они нами таковыми не признавались. Почти столетняя Российская революция, не решившая до конца задач модернизационного перехода, грозит продолжением в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. №7.
2. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. I. С. 531; Кендрик Д. Тенденции производительности в США. М., 1967. С. 278–279.
3. Саравьянов В. История русской промышленности. Харьков, 1926. С. 182.
4. История советского рабочего класса. М., 1987. Т. II. С. 426–427.
5. Там же. С. 198.
6. Там же. С. 199.
7. Там же. С. 196.
8. История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. VI. С. 225.
9. История советского рабочего класса... Т. IV. С. 84.
10. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989. С. 66.
11. История советского рабочего класса... С. 135.

12. История социалистической экономики СССР... С. 248.
13. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 331.
14. Там же. С. 394.
15. Schweizer P. Victory. The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. New-York. 1997. P. 139.
16. Op. Cit. P. 137.
17. Consumption in USA and USSR. An International comparison. Washington. 1981. P. 5.

MODERNIZATION AND REVOLUTION IN RUSSIA: SYNONYMS OR ANTIPODES?

The article deals with the interaction between modernization and revolution in Russia in the 20th century. The author comes to the conclusion that for the most part of the century both processes developed in parallel and were synonyms, but unfortunately we did not acknowledge them such. Almost a hundred years' long Russian revolution that did not finally solve the tasks of the modernization transition threatens with its continuation in the 21st century.

V.V.Alekseyev